

Иисуса в «Двенадцати» неоднозначен. Христос противопоставляется псу-волку, который гонится за патрулем. Иисус поддерживает революцию, воплощая гармонию и простоту, к которой стремятся герои. Блок сравнивает Христа с псом: «Он совсем не такой: маленький, согнулся как пес сзади» [4, с. 453].

Второстепенные герои в «Патруле» переключаются с оригиналом: писатель-вита у Блока – Поэт у Кима, Старуха у обоих авторов, коллективный собирательный образ – Двенадцать и Патруль, единственным персонажизированным образом в котором является Петька, хотя упоминается мельком еще один большевик (Андрюха у Блока, Парень – у Кима). В обеих поэмах можно услышать многоголосье народа, который повторяет: «Погибла, Россия, погибла».

Позаимствовав содержание произведений Пушкина, Ю. Ким пишет сказку «Русалка на ветвях». Поэтическая смелость уводит автора от обычной стилизации, имитирования или оснащения оригинального сюжета песенными текстами. В произведении знакомые сюжеты меняются, а в известных персонажах раскрываются новые грани. Поэт смешивает оригинальные тексты и героев: Ученый Кот, Леший, Баба Яга, Черномор, Русалочка, Королевич, Царь-Девица, Бурый Волк, Грозный Царь, Царь Кошей. Главный герой по дороге к спящей Русалке на коралловых ветвях встречает Лешего, двух Черноморов и Кота ученого. Полупародийный сюжет перемешан: красавицу поэт не поцелует, поэтому девушку разбудит ее отец Черномор. У Кима вещей Олег собирается не «отомстить неразумным хозарам» [12, с. 106], а идет «в поход за русалкой прекрасной» [10, с. 385]. В словах Хора слышно явное заимствование из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога»: «Что-то слышится такое / Непонятное пока: / То ль разгулье удалое, / То ль сердечная тоска...» [10, с. 373].

В напутственном слове для главного героя, которое начинается с цитаты «Вставай, поэт! И виждь, и внемли!», очевидна тематическая соотнесенность с «Пророком» Пушкина. Ким, как и его предшественник, показал свое представление о миссии поэта, однако их взгляды значительно отличались. Стихотворение Пушкина, написанное после восстания декабристов, было воспринято обществом как политический демарш, а призывом поэта, по мнению классика, являлось «глаголом жечь сердца людей» [12, с. 339]. Ким же подчеркивает свою пацифистскую позицию, отмечая, что творчество поэта важно само по себе «для звуков сладких и молитв и вдохновенья», а «не для корысти, не для битв» [10, с. 434].

В пьесе «Сказка Арденского леса» Ким перефразирует знаменитое утверждение Шекспира о том, как театр связан с настоящей жизнью человека: «К чему играть спектакли, / Когда весь мир – театр / И все мы в нем – актеры?» [9, с. 165]. В то время как Шекспир говорит о ролях, которые человек играет на протяжении своей жизни, начиная с ребенка и заканчивая стариком, Ким имеет в виду социальные и общественные роли.

В музыкальной притче «Еврей Апелла» по мотивам фрагмента из романа Л. Фейхтвангера «Иудейская война» Ким вольно переводит Псалом 136 из Псалтыри [3, с. 591] – печальную песнь евреев, которых изгнали из Израиля в Вавилон (в иудейской версии Библии соответствует Псалму 137). Сравним с оригиналом: стих I «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» соответствует строке Кима: «Там, возле рек вавилонских, / Как мы сидели и плакали» [9, с. 231]. Строка стиха II «На вербах, посреди его, повесили мы наши арфы» отвечает «Там, над плавучею ивой, / Арфы свои изломали мы, / Струны свои изодрали мы...» Кима [9, с. 231]. Несколько значительнее отличия между стихом III «Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских»» и «К нам приходили смеяться: / «Что вы сидите и плачете? / Что не поете и пляшете?»» [9, с. 231], однако непременно слышна главная мысль оригинала. Стих IV «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» отдаленно переключается со строкой «Там, возле рек вавилонских, / Нет нам покоя и радости» [9, с. 231]. Поэт перефразирует стихи V, VI, IX «Если я забуду тебя, Иерусалим, – пусть отсохнет десница моя. Прилипни язык мой к гортани моей, если я не буду помнить тебя... Блажен тот, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» в рефрене «Жив я единственной памятью. Пусть задохнусь и ослепну, / Если забуду когда-нибудь / Камни, объятые пламенем, / Белые камни твои» [9, с. 231]. Несмотря на явные заимствования, цитирование и переключки с оригиналом, новая версия Кима является свежей поэтической интерпретацией библейского текста, адаптированной и актуальной для современной аудитории.

Таким образом, изучив многочисленные поэтические, драматургические и прозаические произведения Юлии Кима, можно прийти к выводу, что для автора интертекстуальность является особым средством выразительности, которое подчеркивает особый художественный талант поэта и писателя. Ким мастерски вводит героев, аллюзии, крылатые фразы, цитаты из оригиналов в свой текст так, что они приобретает новые очертания и смысл.

Литература:

1. Аннинский Л. Барды / Л. Аннинский. – М.: Согласие, 1999. – 164 с.
2. Бек Т. Единственный выбор: О Юлии Киме // Ким Ю. Творческий вечер: Произведения разных лет. – М., 1990. – С. 270–278.
3. Библия. – М.: Российское библейское общество, 2002. – 1376 с.
4. Блок А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – Минск: Маст. лит., 1989. – 462 с.
5. Визбор Ю. «Я сердце оставил в синих горах» / Ю. Визбор. – Изд. 3-е, доп. – М.: Физкультура и спорт, – 1989. – 591 с.
6. Галич А. А. Сочинения / А. А. Галич. – М.: Локид, 1999. – 509 с.
7. Гершкович А. «Бедный театр» Ю. Кима / А. Гершкович // Театр. жизнь. – 1992. – № 13–14. – С. 2–4.
8. Достоевский Ф. М. Собрание соч. В 15-ти томах. Т. 3 / Ф. М. Достоевский. – СПб.: Наука, 1988. – 576 с.
9. Ким Ю. Белеет мой парус / Ю. Ким. – М.: Локид-Пресс, 2002. – 448 с.
10. Ким Ю. Моя матушка Россия / Ю. Ким. – М.: Время, 2003. – 480 с.
11. Ким Ю. Однажды Михайлов / Ю. Ким. – М.: Изд-во Время, 2004. – 496 с.
12. Пушкин А. С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. II. – 339 с.

УДК 821.111-312.2

Т. В. Жаданова,

Харківська Національна академія Національної гвардії України, м. Харків

ОСОБЛИВОСТІ ВИВЧЕННЯ Й ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ТВОРІВ К. С. ЛЬЮЇСА

У статті розглядаються підходи до вивчення, трактування та інтерпретації творів К. С. Льюїса у вітчизняному та зарубіжному літературознавстві. Виділено основні шляхи дослідницької думки та напрямки вивчення як художньої, так і теоретичної спадщини видатного англійського письменника.

Ключові слова: *християнська проблематика, жанрові риси, феномен християнського фентезі, стиль, інтерпретація, алегоричні мотиви, «трилема Льюїса».*

FEATURES OF THE STUDY AND INTERPRETATION OF WORKS BY C.S. LEWIS

The article deals with approaches to the study and interpretation of C.S. Lewis's works in home and foreign literary criticism. It is noted that none of the known critical works devoted to the analysis of C.S. Lewis's works does not carry negative connotations, but over all the works of the writer tends theologian its authority, which in turn determines the dominant of Christian perspective in the study of the writer's works.

The article highlights the main ways of research directions in the study as a literary and theoretical heritage of the famous English writer. Among the most important studies of C.S. Lewis's works are highlighted the monographs by P. Shekel, K. Kilby, K. Lindskog, K. Manlou, L. Adey etc.

The article emphasizes that the majority of critics evaluated C.S. Lewis as the voice of eternal doctrines of Christianity and the creator of myths, believing that his theological works such as «Mere Christianity» are more valuable than his literary works. This, in turn, often led to the evaluation of implicitness of his works not analysis.

The study led to the following conclusions: 1) the subject and nature of research greatly influenced by the personality of the writer, 2) the critical works' authors avoided analyzing aspects of the poetic works, 3) Lewis's works remain outside of genre affiliation or it is very simplistic determined 4) many researchers are paying insufficient attention to the actual genesis of the genre C.S. Lewis's works.

Keywords: *Christian perspective, genre traits, the phenomenon of Christian fantasy, style, interpretation, allegorical motifs, «Lewis's trilemma.»*

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. С. ЛЬЮИСА

В статье рассматриваются подходы к изучению, трактовке и интерпретации произведений К. С. Льюиса в отечественном и зарубежном литературоведении. Выделены основные пути исследовательской мысли и направления изучения как художественного, так и теоретического наследия выдающегося английского писателя.

Ключевые слова: *христианская проблематика, жанровые черты, феномен христианского фэнтези, стиль, интерпретация, аллегорические мотивы, «трилема Льюиса».*

Целью данной статьи является исследование особенностей интерпретации произведений одного из виднейших представителей христианского фэнтези XX столетия английского писателя К. С. Льюиса.

Ни одна из известных критических работ, посвящённых анализу произведений К. С. Льюиса, не несёт негативно-го оттенка. После его смерти в 1963 году появилось огромное количество статей и книг, посвящённых его творчеству. Однако над всем творчеством К. С. Льюиса довлеет авторитет теолога. Исследование поэтики, принципов построения художественного текста имеет второстепенное значение, в то время как христианская проблематика его повестей и романов занимают первое место. Проблемы жанра и поэтики трактуются без необходимого методологического обоснования. Исследователи определяют жанр, исходя из религиозной направленности произведения, либо это «притча», либо данный аспект не анализируется. Данная тенденция проявляется уже в заголовках, где почти в обязательном порядке будут фигурировать слова «христианский» или «вера». В качестве примера можно привести следующие работы. «Христианский мир К. С. Льюиса» К. Килби (1965) [6], «К. С. Льюис: защитник веры» Р. Каннингема (1967) [4].

В зарубежном литературоведении критические работы, посвящённые творческому наследию К. С. Льюиса условно можно разделить на биографические; работы, посвящённые общему исследованию творчества, включая художественные и теологические произведения, эссе, письма; исследующие религиозные и философские взгляды писателя; литературно-критические работы самого автора; поэзию писателя; отдельно посвящённые «Хроникам Нарнии», «Космической трилогии», роману «Пока мы лиц не обрели».

Среди многоаспектных монографий, посвящённых анализу творчества исследуемого автора, мы остановимся на наиболее значимых работах. В этой связи необходимо отметить работы П. Шекеля. В своих трудах «Стремление к форме: эссе о художественных произведениях К. С. Льюиса» (1977), «Мир и истории К. С. Льюиса» (1991), «Воображение и искусство К.С. Льюиса: путешествие в Нарнию и к другим мирам» (2002), «Дорога в Нарнию: путеводитель читателя» (2005), он исследует творчество К. С. Льюиса прежде всего как религиозного писателя, поэта, романиста, литературного критика, автора детской литературы, анализирует его жизненные взгляды, философию. Необходимо отметить попытку критика проникнуть в суть творческого воображения, критической мысли и мастерства К. С. Льюиса как художника и теоретика, а не только как христианского апологета. Наиболее полно им были исследованы «Хроники Нарнии», «Космическая трилогия», «Великий развод» и роман «Пока мы лиц не обрели». Однако, анализ художественного творчества во многом сводился к комментариям и пересказу произведений исследуемого автора.

К. Килби, посвятивший свои исследования творчеству Дж. Р. Р. Толкина, также написал ряд фундаментальных работ, как анализирующих творчество К. С. Льюиса, так и сравнительной характеристике творчества обоих авторов фэнтези. Его исследования художественных произведений К.С. Льюиса, как и исследования ряда других критиков, прежде всего, опираются на теологические работы писателя, которым критик вначале отдавал предпочтение, разбору некоторых из них, ровно, как и основным художественным произведениям, посвящена работа «Образы спасения в беллетристике К. С. Льюиса». Каждая глава данной работы разделена на две секции, одна из которых состоит из сжатого пересказа произведения, а вторая проводит параллели между сюжетом и проблематикой данных произведений и христианской жизнью и верой. Однако, в данной работе отмечается узкая направленность аспектов исследования, образы главных героев трактуются односторонне. Так главная героиня романа «Пока мы лиц не обрели» в своём отношении к Психее сравнивается с Нелюдем из «Космической трилогии», который воплощает в себе черты Дьявола; проведение аналогий с отдельными местами Библии не всегда совпадает с проблематикой произведения.

Ещё одним из известных фундаментальных исследователей творчества К. С. Льюиса является автор его полной биографии К. Линдскаг. Её работы «Свет Шедоулэндс: защищая К. С. Льюиса»(1994) «Мистификация К. С. Льюиса» написаны после бесед и консультаций с К. Килби, деканом американского общества изучения творчества К. С. Льюиса, который рекомендовал исследовательнице открывать всё больше и больше в жизни и творчестве этого замечательного писателя, а также встреч с самим К. С. Льюисом. Благодаря её исследованиям стали более ясными многие факты биографии К.С. Льюиса, которые напрямую были связаны с его творческим наследием. Во многом её заслуга состоит в том, что данная исследовательница популяризировала творчество К. С. Льюиса среди американских читателей.

Ряд монографий прослеживают истоки творческой манеры К. С. Льюиса. К. Манлоу в исследовании «Христианское фэнтези от 1200 до настоящего времени», анализируя феномен христианского фэнтези, отмечает ряд основополагающих жанровых черт фэнтези, однако, аспект использования и трансформации их в произведениях К. С. Льюиса и других авторов, писавших в жанре фэнтези, автором освещён недостаточно. В работе Л. Адея «К. С. Льюис: писатель, мечтатель и наставник» проводятся параллели между художественными произведениями данного автора и «Потерянным раем» и

«Королевой Фей», отмечается сходность аллегорических мотивов Льюиса, Данте и Спенсера. Однако, для данного критика немаловажным является факт потери в детстве писателем своей матери, что по его мнению также отразилось на творческих идеях писателя. На этом основании критик ставит К. С. Льюиса в ряд таких писателей как Г. Водсворт и С. Моэм. Однако, за внешним сходством автор утрачивает своеобразие творческой манеры К. С. Льюиса, воплощённой в произведениях христианского фэнтези. Данную идею мы можем проследить в некоторых биографических работах и статьях, посвящённых отдельным аспектам творчества К. С. Льюиса (Д. Кинг, Л. Маркос, А. Николи). «Литературное наследство К. С. Льюиса» Ч. Уолша (1979); (Chad Walsh «The Literary Legacy of C. S. Lewis») анализирует немаловажные проблемы, затрагиваемые в произведениях различных жанров: тему смерти и возрождения, квест души к самопознанию.

Большинство критиков оценивали К. С. Льюиса как выразителя вечных доктрин христианства или создателя мифов, полагая, что его теологические труды, такие как «Просто Христианство», имеют большую ценность, чем его художественные произведения. Первые критики Р. Рейли, Ч. Уолш оценивали его произведения имплицитно. Многие, по словам Д. Мэйерс, «чаще пересказывали, чем анализировали его произведения».

Исследования религиозных и философских аспектов творчества К. С. Льюиса составляют довольно обширный материал среди критических работ зарубежных авторов. Одной из главных тем обсуждения является так называемая «триллема Льюиса». Опираясь на работу К. С. Льюиса «Просто христианство», критики полагают, что в ней автор бросил вызов всё более и более популярному представлению, что Иисус, хотя и являлся великим моральным учителем, не был Богом. Данный тезис К. С. Льюис не изобретал, но развил и популяризировал. Он использовался христианским апологетом Д. МакДоуэлом в его книге «Больше Чем Плотник» (2001), и несмотря на то, что он широко использовался в христианской апологетической литературе, но был проигнорирован профессиональными богословами и библейскими учёными и расценён некоторыми как пример ложной дилеммы. Христианская апологетика К. С. Льюиса, и данный аргумент в частности критиковал философ Дж. Беверслиус (как небрежный и теологически ненадёжный), Д. Хик, англиканский епископ Н. Райт. Однако, несмотря на замечания о теоретической слабости теологических работ К. С. Льюиса, большинством была отмечена его практическая польза в популяризации христианских идей (цикл радиобесед во время второй мировой войны) в тяжёлые годы стран западной Европы и Америки.

Среди фундаментальных исследований, посвящённых анализу романа «Пока мы лиц не обрели», можно перечислить монографии П. Шекеля «Разум и воображение у К. С. Льюиса: изучение «Пока мы лиц не обрели»»; Д. Мэйерс «С непокрытым лицом. Путеводитель по последнему роману К. С. Льюиса», «К. С. Льюис в контексте»; Х. Миннеко «Воображаемый мир К. С. Льюиса»; К. Линдскуг «К. С. Льюис, просто христианин».

Ряд работ посвящены исследованию отдельных аспектов романа «Пока мы лиц не обрели», таких как: поиску христианских мотивов в романе «Пока мы лиц не обрели» (М. Доналдсон [5], К. Манлоу [7]), а также сопоставлению философии Аристотеля, Платона и христианства (Л. Холиер), приходу главной героини Оруаль к христианству (К. Мурман [8], Р. Партил), взаимоотношениям человека с богом (Л. Пейн), конфликту научного рационализма и веры (К. Килби [6]), параллелям грехопадения Оруаль и Адама и Евы (Т. Браун), сравнительной характеристике Льюиса и Оруаль (В. Хупер), сравнению Греции и Глома (Э. Грэхем), исследованию женских архетипов (Р. Харриес), подробному изложению мифа о Купидоне и Психее (Д. Свон), отнесению романа «Пока мы лиц не обрели» к категории романа-мифа (Л. Хантер), проведению параллелей между женой К. С. Льюиса Джой Девидман и Оруаль (Л. Одей [1]). Сравнительной характеристике творчества К. С. Льюиса и других авторов, писавших в жанре фэнтези, посвящены работы таких учёных, как: Л. Одей [1], Р. Джексон, Х. Гарднер, К. Килби [6], Л. Маркос, Г. Мейлаендер, М. Мергц, Р. Рейли, Л. Росси, А. Свинфен. Выпущены биографии К. С. Льюиса, в том числе и подготовленная его братом, следующими авторами: Х. Карпентер [3], Д. Р. Кристофер, Р. Грин, В. Хупер, К. Линдскуг, Б. Эдвардс.

Наибольшее количество критических работ посвящены «Хроникам Нарнии». Многие из них являются путеводителями по Нарнии, снабжённые картами и фотографиями из одноимённого фильма, пользовавшегося огромной популярностью. Большинство работ посвящены анализу фигуры Ослана в контексте христианской веры, жанра фэнтези и мифа, рассмотрению феномена авторского воображения, трактовке библейских ссылок (К. Битц [2], Ш. Кофэй, К. Дитчфилд, А. Джейкобс, К. Филмер, М. Доналдсон, В. Никербокер. Более детальному анализу произведения посвящены работы П. Шекеля [10], К. Манлоу [7], Дж. Лобделл.

Гораздо меньше критических работ исследуют «Космическую трилогию». Тематика их исследований посвящена в основном христианским аспектам: проблемам зла, потере души, духовному паломничеству, в том числе собственному духовному паломничеству К. С. Льюиса. Жанр трилогии определялся также неоднозначно и рассматривался как научная фантастика, анти-утопия, фэнтези. Д. Даунинг полагал, что «За пределами безмолвной планеты» является космическим путешествием; «Переландра» – фантазией о Рае, а «Мерзейшая мощь» – сатирой на научное сообщество и мир университетской науки. По мнению критика, данные произведения дали К.С. Льюису возможность представить христианские доктрины в новом образном контексте, чтобы возратить страх и величие средневекового мира и предложить его собственные размышления о природе добра и зла. Критики (К. Килби [6], Д. Лиминг, Э. Рабкин) также отмечали сложную сеть намёков трилогии, воедино связывая данное произведение, отдельные аспекты биографии автора и его теологические работы, такие как «Настигнут радостью» и «Аллегория любви».

Отечественные исследования составляют лишь несколько небольших статей Н. Трауберг, А. Архиповой, А. В. Бушняк, С. Л. Кошелева, С. С. Аверинцева, Н. Н. Мамаевой, диакона А. Кураева, епископа Диоклийского Каллиста, использовавшие в основном для анализа лишь отдельные аспекты «Хроник Нарнии» и «Космической трилогии».

Таким образом, можно сделать несколько выводов из краткого анализа основных тенденций, свойственных подходам к интерпретации произведений К. С. Льюиса. Во-первых, на объект и характер исследования значительное влияние оказывает личность самого писателя. Во-вторых, авторы критических работ избегают анализа аспектов поэтики художественных произведений. В-третьих, за скобками остаётся их жанровая принадлежность, или же она определяется весьма упрощённо. Кроме того, практически все исследователи уделяют недостаточное внимание собственно генезису жанров в творчестве К. С. Льюиса. А соответственно до конца не раскрытым остаётся вопрос и о предшественниках писателя.

В планах автора продолжение работы над исследованием творческого своеобразия произведений К. С. Льюиса и специфики их интерпретации в современной науке.

Литература:

1. Adey L. C.S. Lewis: Writer, Dreamer, and Mentor / Lionel Adey. – Grand Rapids MI : William B. Eerdmans Pub., 1998. – 307 p.
2. Beetz Kirk H. Exploring C.S. Lewis' the Chronicles of Narnia / Kirk H. Beetz // Beacham's Sourcebooks. 1st ed. – Osprey, FL: Beacham Pub., 2001. – 627 p.

3. Carpenter H. The Inklings / Humphrey Carpenter. – London: Allen and Unwins, 1978. – 304 p.
4. Cunningham R. C. S. Lewis: defender of the faith / R. Cunningham. – Philadelphia: Westminster press, 1987. – 239 p.
5. Donaldson M. E. Holy places are dark places: C.S. Lewis and Paul Ric; on narrative transformation / Mara E. Donaldson. – Lanham, MD : University Press of America, 1988. – 348 p.
6. Kilby C. S. The Christian world of C.S. Lewis / Clyde S. Kilby. – London : Abington, 1965. – 450 p.
7. Manlove C. N. C. S. Lewis: His Literary Achievement / C. N. Manlove. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 240 p.
8. Moorman Ch. «Now entertain conjecture of a time» – The Active worlds of C. S. Lewis and J. R. R. Tolkien / Ch. Moorman // Shadows of imagination. – Illinois : Southern Illinois Univ. press, 1989. – P. 59–70.
9. Purtil R. L. C. S. Lewis' Case for the Christian Faith / Richard L. Purtil. – San Francisco : Ignatius Pres s, 2004. – 191p.
10. Schakel P. J. Imagination and the Arts in C. S. Lewis: Journeying to Narnia and Other Worlds / Peter J. Schakel. – Columbia : University of Missouri Press, 2002. – 280 p.

УДК 811.161.2+003

В. В. Желязкова,

Миколаївський національний університет імені В. О. Сухомлинського, м. Миколаїв

СЕМІОТИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ ОБРАЗІВ-СИМВОЛІВ І ЗНАКІВ-СИМВОЛІВ У ТЕКСТАХ МИКОЛАЇВСЬКИХ ПОЕТІВ

У статті висвітлено змістову сутність понять «образ-символ» і «знак-символ», наведено перелік подібних і відмінних рис цих феноменів, а також описано процес переходу образу-символу в знак-символ на матеріалах творів миколаївських поетів.

Ключові слова: образ-символ, знак-символ, поетичний твір, семіотична трансформація.

SEMIOTIC TRANSFORMATIONS OF IMAGES-SYMBOLS AND SIGNS-SYMBOLS IN POETIC TEXTS

In article definitions of the concepts «image-symbol» and «sign-symbol» are given, the place and a role of indexes in semiotics system of poetic texts in general and poesy by M. Boychenko, D. Kremin, B. Mozolevskiy in particular are defined. The author gives the list of similar and distinctive features of these phenomena and describes the transition of the image of the symbol in the symbol-the symbol on the material of works by the Mykolaiv poets. The author pays attention to the third level functioning of signs in semiotics system, proves a role of pragmatic for interpretation of the contents, a form and idea of the author's text.

On the basis of properties of signs-symbols which were marked out by Ch. Pearce, the analysed poems recorded two types of semiotic transformations – syntagmatic and paradigmatic. Mechanisms of the first type are addition and destruction, and of the second type are substitution and transposition.

The author defines forms of lexical and morphological representation of signs indexes in each subsystem that promotes effective lingvosemyotics reading of poetic works.

Key words: image-symbol, sign-symbol, poetic work, semiotic transformation.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ-СИМВОЛОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье освещена содержательная сущность понятий «образ-символ» и «знак-символ», подан перечень схожих и отличительных признаков этих феноменов, а также описан процесс перехода образа-символа в знак-символ на материалах произведений николаевских поэтов.

Ключевые слова: образ-символ, знак-символ, поэтическое произведение, семіотическая трансформация.

Вивчення проблеми образності мови, а також її складових елементів – звуків, слів, речень, розпочалося ще в античні часи, про що свідчать розроблені концепції Платона, Аристотеля, Плотіна, Філона та Климента Олександрійських. Але дослідження в цьому руслі тривають і сьогодні, бо й досі є значна кількість невирішених питань. До них належать проблема міждисциплінарного статусу цього поняття, необхідність встановлення дво- чи трипланового компонентного складу образу, а також зв'язок образу із семіотичними знаками. Причому останнє перейшло в розряд проблеми, по-перше, завдяки працям М. Бахтіна, Ю. Борєва, Г. Гачева, М. Гіршмана, М. Епштейна, В. Кожінова, О. Лосєва, Н. Науменко, П. Палієвського, В. Переверєва, Г. Поспєлова, І. Роднянської, М. Шкурюпат, які частково торкалися цього питання, а по-друге, через відмову науковців від формального опису мовних явищ та переходу до функціональної парадигми розвитку лінгвістики в цілому та її окремих галузей. До того ж, починають з'являтися й нові напрями пошуку, серед яких комунікативний підхід є домінуючим. Звичайно, встановлення зв'язку образів та знаків через призму різноманітних культурологічних та прагматичних чинників, що дають інформацію про тип свідомості, особливості культурної спільноти, в межах якої перебуває мовець, і його власні ціннісні орієнтації, сприяє визначенню ознак взаємодії та нерозривної єдності формального та змістового вираження одиниць мови. У зв'язку з цим аналіз текстів українських поетичних творів, що полягає у виявленні образів та знаків, передусім символічного змісту, засвідчує актуальність цієї проблематики. Саме в новій комбінаториці поглядів і спробі описати семіотичні механізми набуття одними знаками властивостей інших визначається новизна статті, мету якої вбачаємо у встановленні типів семіотичних трансформацій образів-символів та знаків-символів, виявлених у поетичних текстах таких авторів, як В. Бойченко, Д. Кремін, Б. Мозолєвський.

Для визначення спільних і подібних ознак образів-символів і знаків-символів першочергово необхідно з'ясувати значенню сутність цих синтетичних понять.

Образ є не тільки складним і суперечливим явищем, а й міжгалузевим. Цим терміном послуговуються літературознавці, культурологи і, звичайно, лінгвісти. Через це існує чимало недотичних одна до одної дефініцій терміну «образ» – «матеріальна субстанція, що існує для зберігання божественного одкровення й передачі його на рівень емпіричного буття» (Діонісій Ареополіт), «зразок» (Іоанн Дамаскін), «мовна фігура» (Георгій Хіровоско) [10, с. 4]; «зовнішній вигляд предмета; конкретно-чуттєва форма відображення дійсності; зображення одного явища через інше шляхом використання стилістичних прийомів; тип персонажа, створеного письменником (поетом) у літературно-художньому творі; відображення у свідомості явищ об'єктивної реальності; обличчя; картина чи ікона» [2, с. 561]. Всі ці думки пізніше лягли в основу поняття «образ-символ», перше трактування якого здійснив О. Потебня: «... образ може водночас бути й символом, ... розмежовував ці поняття, підкреслюючи одну з властивостей образу бути символічним, тобто бути умовним знаком